

АНДРЕЙ КАРПОВ

Русская стрела. Политкультурология



Андрей Карпов

**Русская стрела.
Политкультурология**

«Издательские решения»

Карпов А.

Русская стрела. Политкультурология / А. Карпов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905214-8

Путь русского народа из прошлого в настоящее. Борьба за будущее.
Единая культурная матрица и преемственность национальной идеи на всём
протяжении пути. Адекватный ответ на вызовы современности. Народ жив,
пока летит стрела.

ISBN 978-5-44-905214-8

© Карпов А.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Народы и история	7
Обретение русским народом исторического суверенитета	8
Обретение русской национальной идеи	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Русская стрела. Политкультурология

Андрей Карпов

© Андрей Карпов, 2018

ISBN 978-5-4490-5214-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Прошлое и грядущее взаимосвязаны. Самое главное в этой связке то, что прошлое некогда было одним из возможных вариантов будущего.

Сегодня мы воспринимаем бывшее прежде как некую данность. Мы используем историю страны, народа, свою личную историю, чтобы утвердиться в настоящем, определить своё текущее состояние, понять себя. Но это «ориентирование на местности» нам нужно не само по себе. Опираясь на прошлое, мы конструируем картину завтрашнего дня и строим какие-то планы.

Так было всегда. Человек всегда думает, как ему жить дальше. Думает и в одиночку, и сообщая. Мы рождаемся внутри социума, культуры, народа¹. Мы – изначально и навсегда – часть множества, и наше персональное будущее возможно лишь как проекция будущего, распространяющегося на всех. В конце концов, люди, от рождения имеющие единый горизонт будущего, и есть народ. Родовая ветвь, в силу каких-либо обстоятельств отколовшаяся от своего племени, неизбежно становилась новым народом – поскольку обретала своё отдельное будущее. А заканчивалась история народов всегда тем, что будущее утрачивалось. Если люди вдруг переставали понимать, какое совместное завтра для них возможно, народ истаивал. И не обязательно это означало физическое исчезновение; цепь поколений могла не прерываться, просто люди рождались уже в ином горизонте будущего, то есть принадлежали к другому народу.

Устремлённость в грядущее можно определить как историческую волю. История является продуктом этой воли, и один из способов прочертить историческую траекторию народа – это проследить, как будущее в прошлом формировало настоящее для наших предков, шаг за шагом приближаясь к нам самим (т.е. к актуальному настоящему), и сквозь него прозревая перспективу завтрашнего дня.

Ценность будущего глубоко впечаталась в русское национальное сознание. При этом русский народ воспринимал будущее как не столько возможность, сколько призвание. Не оно должно было что-то дать русскому человеку, а наоборот: ты только тогда ощущаешь осмысленность своего бытия, когда служишь общему делу, цели, которая вынесена в грядущее. Перипетии истории не раз сбивали настройки русской устремлённости к цели. На горизонте возникали ложные объекты, подобно тому, как гало в морозный день приводит к образованию ложных солнц. И всё же, как стрелка компаса находит север, так русская судьба снова и снова возвращалась к той цели, которую русский народ посчитал единственно достойной, чтобы осветить её светом своё будущее. Наша историческая судьба – это стрела, пронизывающая время. Пока русская стрела летит, мы существуем; случится ей упасть, мы исчезнем как народ, поскольку будущего у нас больше не будет.

¹ Подробнее о человеке в пространстве культуры см.: Андрей Карпов «Пространство культуры» <http://culturolog.ru/content/view/1549/68/>

Народы и история

Каждый народ имеет свою историю, но исторические траектории народов весьма разнятся.

Любой человек должен знать историю народа, к которому он принадлежит, – это, так сказать, культурный минимум, без которого дальнейшее существование народа невозможно. Но если это требование повсеместно, его, образно говоря, можно вынести за скобки, и тогда станет очевидным, что об одних народах известно больше, чем о других. Судьба некоторых народов является достоянием общей истории, тогда как история других составляет интерес лишь узкого круга специалистов. Одни народы прочно занимают место на авансцене; события, потрясающие других, протекают незаметно – это историческая периферия.

Конечно, имеет значение с какой точки смотреть. Для европейца вся история – евроцентрична. Однако ни гуннов, ни монголов, ни османов из неё не вычеркнешь, также как нельзя сделать вид, что на свете не существует японцев или китайцев. Точно также и при взгляде с азиатской точки зрения невозможно проигнорировать историю Древней Греции, обернувшуюся походами Александра Македонского и эллинистическим влиянием; нельзя забыть о Португалии, Испании и перенявшей у последней славу владычицы морей Англии. То есть, так или иначе, всё же есть народы, творящие мировую историю, и на их фоне другие народы оказываются лишь статистами.

Получается, что имеет значение, к какой категории относится твой народ. Если народ не участвует в формировании общей истории, это означает, что его дальнейшую историю будут формировать другие. Став одним из многих статистов, легко потерять свою историческую судьбу².

Вплоть до настоящего времени русский народ можно считать исторически суверенным народом. Мы боролись за самостоятельную историческую траекторию, и в результате влияли на региональную, а потом и мировую историю. Проследим этапы этого пути.

² Разделение народов на «исторические» и «неисторические» в философию истории ввел Гегель. Эта мысль быстро освоилась в европейском сознании. В России она имела сторонников (например, Петр Лавров) и противников (Георгий Флоровский). Безусловно, нельзя следовать примитивным интерпретациям, превращающим «неисторические» народы в лишние. В то же время другие интерпретации могут быть весьма продуктивными. (См. идею «догоняющего развития» Александра Панарина. – «Философия истории», 1999)

Обретение русским народом исторического суверенитета

Равноапостольный князь Владимир крестил Русь, и единая вера позволила восточным славянам преодолеть племенные различия, ощутив себя одним народом. Однако русский народ, распределённый по многим княжествам, представлял собой типичный пример народа исторической периферии. Мы могли вести бесконечные междоусобицы, отбиваться от кочевников, но всё это касалось нас самих и более никого. Мы были материалом, с помощью которого другие исторические субъекты творили свою и одновременно мировую историю. В любой момент мы могли утратить свою историческую судьбу. Самым серьёзным вызовом стало завоевание Руси татаро-монголами. Именно в период ига пришло национальное осознание. Каждому, начиная от Великого князя и заканчивая самым захудалым крестьянином, стало предельно ясно, что значит, когда у народа нет своего будущего. Это национальное будущее сразу же обрело ценность, и за него стали бороться. Освобождение от ига шло одновременно с образованием единого национального государства. Иначе и быть не могло: без сильного собственного государства дальнейшая историческая судьба не просматривалась.

Возникновение Московского царства ознаменовало переход русского народа в новое качество: начала формироваться русская нация. Отличие нации от народа – этническая самоидентификация через конкретное государство. Для национального самосознания характерна формула: я принадлежу к данному народу, мой народ имеет своё государство, стало быть, это и моё государство. В нашем случае: я – русский, следовательно, Россия (сначала Русское царство) – это моё государство. Подобное мировосприятие также означает, что человек перестаёт быть лишь подданным властителя – он становится гражданином своей страны.

Обретя национальное государство, русский народ не только обеспечил своё дальнейшее существование, – он стал полноценным субъектом истории. В силу обширности занимаемой территории действия Русского царства оказались значимым фактором для соседних крупных держав. С этого момента начинается наш вклад в общий исторический процесс.

Однако повышение статуса ещё требовалось отстоять. Появление нового суверенного игрока на поле большой политики другими игроками осознаётся как проблема, которую они пытаются решить, в том числе и военным путём. Войны с Крымским ханством полностью укладываются в импульс обретения Русским государством исторической субъектности. Вылупившись на свет истории, мы сбрасывали остатки скорлупы прежнего состояния. А вот польская интервенция в Смутное время – явление иного порядка. Авантюра Сигизмунда III стала проверкой, насколько уже состоявшийся суверенный национальный субъект способен защитить своё будущее, особенно в момент, когда его государственные институты находятся в кризисе. Но кризис – это точка возможного роста. И именно в Смутное время русская государственность сделала новый скачок.

Обретение русской национальной идеи

Петр Первый объявил Россию Империей. И это наименование оказалось адекватным. Российское государство при Петре действовало, руководствуясь имперским сознанием. Империя – это всегда некий проект организации исторической реальности. Он охватывает как внутреннее пространство государства, так и внешнюю среду. Сень империи падает на многие народы. Иногда она бывает благодатной сенью, а иногда зловещей, – а зависимости, прежде всего, от того, что за империя, какой проект реализуется, какими идеями он вдохновляется. Что касается внешней среды, то по отношению к ней империя, как правило, проактивна. Она пытается влиять на своё окружение, одновременно впитывая из него то, что можно поставить себе на службу – идеи, людей, ресурсы. Если империя пассивна и полностью погружена в свои внутренние процессы, значит, она переживает период упадка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.